

P-180789

ЧТЕЦ ДЕКЛАМАТОР

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1944

ЧТЕЦ ДЕКЛАМАТОР

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

К ЧИТАТЕЛЯМ

Просим дать отзыв о содержании сборника и его оформлении. В отзыве укажите свой адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников издательство просит организовать сбор читательских отзывов на этот сборник.

Весь материал направляйте по адресу: Москва, Новая площадь, д. 6/8, изд-во „Молодая гвардия“.

Редактор *Б. Дыков*

Подписано к печати 1/VI 1944 г. Л54933. 5 печ. л. (4,9 уч.-изд. л.). 38 000 зи, в печ. л.
Тираж 50 000. Заказ 604. Цена 1 руб. 5 коп.

Ф-ка юнош. книги изд-ва ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия“. Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

ПОЭЗИЯ

КЛЯТВА

Народа клятва огненной силой
Наполнена, нетленна и грозна.
Устами Сталина произносила
Ее над гробом Ленина страна.

Она сейчас ведет войска в сраженья,
Негаснущей звездой она горит.
И, в бой идя, мы знаем: это Ленин
Устами Сталина с бойцами говорит.

Он входит в почерневшие селенья,
Откуда штурмом выбит сильный враг.
Он с нами всюду, наш бессмертный Ленин:
В порыве схваток, в пламени атак,

В землянках средь заиндеветших сосен,
В воспоминаньях о родных краях
И в книжечках, что мы на сердце носим,
Но больше сердца бережем в боях.

Итти вперед за нашим полководцем
Сердца, и долг, и матери велят.
Недаром Ленинским наш комсомол зовется,
Недаром Сталин пестовал орлят.

Отечества горячее веленье
Отвагой нам переполняет грудь,

И, в бой идя, мы знаем: это Ленин
На запад нам указывает путь.

В гуденьи выюг — и снежной и свинцовой —
Звучат раскаты залпов, как салют.
За родину по ленинскому зову
Неудержимо сталинцы идут.

Ц. Солодарь

РОССИЯ

Ты все та же, что пелась в былинах,
та же хватка, осанка и мощь,
в русых плёсах, в оранжевых глинах,
в трепетаньи березовых рощ.

Красным солнцем пронзенные дымы,
словно жаркие лисьи хвосты.
И плывут лебединые зимы.
Это все, неизменная, ты!

Притворяться и лгать не умея,
молодая хозяйка в дому,
с каждым днем ты смелей и прямее,
на поклон не пойдешь ни к кому.

И становятся зримей и шире
обновленного сердца черты.
Ото всех отличимая в мире,
Это ты, неизменная, ты!

В бабьем стоне ли, в девичьем пеньи,
горькой боли своей не тая,
подымалась в могучем терпеньи
возрожденная сила твоя.

Выла ль волком, свистела ль по-птичьи,
утирала ли слезы рукой, —
сохраняла красу и величье
и какой-то последний покой.

Будто знала: и горе и муки
можно вынести, длинно дыша.

Все осият рабочие руки,
победит молодая душа.

Как на труд, подымалась ты к бою,
чуя верную силу в руке.
И на вольном ветру над тобою
билась русская кровь на древке.

И пред этой негаснувшей кровью,
как в степи перед летней грозой,
преклонила ты голову вдовью,
материнской сверкнула слезой.

И встречая нашествие вражье;
в каждом жесте, душе дорогом,
в жарком поле, над волнами пряжи,
в рукопашном бою и на страже, —
ты все та же, Россия, все та же
победительница над врагом!

Мargarита Алигер

З Д Р А В И Ц А

Обычаю верные, встанем
И, верные чувствам своим,
За Сталина здравицу грянем
И трижды ее повторим!

Поднимем заздравные чаши,
Как водится, выше голов,
За вечную родину нашу,
За теплый отеческий кров!

За отсветы радуг красивых,
За теплые травы долин,
Черемухи душную силу
И красные грозди рябин!

За то, чтоб весной голосили
На всех лозняках соловьи...
Поднимем, друзья, за Россию
Мы первые чаши свои!

Вторые поднимем за грозный,
В веках небывалый поход,
За алые ратные звезды,
Которые любит народ!

За гнева высокого жажду,
За ненависть, бьющую в грудь,
За армии нашей отважной
Победами венчанный путь!

За родину снова и снова,
И с нею как раз заодно,
За самое светлое слово —
Победой зовется оно!

И третьи поднимем, ребята,
Как следует в новом году,
За трудную долю солдата,
Что пала нам всем на роду!

За пули, что в немцев попали,
За гибель нависнувшей тьмы,
За то, чтобы фрицы пропали,
За то, чтобы выжили мы!

За то, чтобы радости снова
Вернулись к родимым домам,
За наших солдаток бедовых,
За дочек, за женок, за мам!

За пляски на кратких привалах,
За свист подголосков в строю...
Давай заводи, запевала,
Любимую песню свою!

А. Прокофьев

РОДИНА

Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Вся в черных обручах меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке,

Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал, —
Ты вспоминаешь родину, такую,
Какой ее ты в детстве увидал.

Кусок земли, припавший к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.

Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы;
Да, можно голодать и холодать,
Итти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.

Константин Симонов

УЛИЦА ЛЕНИНА

Вломились четыре немецких полка
В украинский город советский.
И улицу Ленина, центр городка,
На хмурых людей посмотрев свысока,
Назвать приказали Немецкой.

— Так будет, — немецкий полковник сказал, —
При нашем германском режиме.
Нас фюрер в Россию за тем и послал,
Чтоб новый порядок отныне здесь стал.
Как в Праге, как в Вене, как в Риме.

Весь вечер пришлось подлещу малевать.
Но утром случилось такое:
Проснулись фашисты — не могут понять:

«УЛИЦА ЛЕНИНА» было опять
Начертано твердой рукою.

От злобы завыл комендант-оккупант,
На все нажимает педали.
Приказ за приказом — ловить партизан!
На улице Ленина пять горожан
Без всяких улик расстреляли.

И снова в железной бадье развели
Олифою белые краски,
И снова с кистями мерзавцы прошли.
И целую ночь напролет патрули
Ходили во тьме для острастки.

И вновь, как и прежде, рассвет наступал.
И сызнава суриком красным
«УЛИЦА ЛЕНИНА» кто-то писал,
Как будто из камня огонь высекал
Размашистым почерком властным.

И так повторялася изо дня в день
История эта сначала.
Не знали фашисты иных перемен:
Стирали бессмертную надпись со стен,
А надпись опять возникала.

Ни пытки, ни пули, ни ужас петли,
Ни ярость угроз повсеместных
Бесчинством своим утратить не могли
Испытанных ленинцев русской земли,
Отважных людей неизвестных.

Не могут фашисты виновных найти.
Не могут ходить без оглядки.
Разгневанный Ленин встает на пути.
И вот начинается от страха трести
Коричневых псов лихорадка.

Тогда палачи, чтоб поправить дела,
Чтоб больше во сне не бояться,
Всю улицу Ленина выжгли дотла,
Чтоб больше уже по ночам не могла
Крамольная надпись являться.

Сожгли подлецы и пришли посмотреть.
Сгорели заборы и здания.
Но только ничем невозможно стереть,
Не может на улице гордой сгореть
Ее грозное название.

На стенах, облизанных жадным огнем,
На дымной щербатой панели,
Рожденные свежим сухим кирпичом,
На каждой железке, над каждым углом
Недавние надписи рдели.

«УЛИЦА ЛЕНИНА!», рушась от мук,
Черные стены кричали.
И снова окатывал немцев испуг,
И снова враги озирались вокруг,
И снова от страха молчали.

А залпы с Востока росли и росли,
Грозами шумя грозowymi.
...Советские войны в город вошли,
И встретило воинов русской земли
Вождя негасимое имя.

Сергей Васильев

А Р М И Я

...Мне скажут — армия...

...Я вспомню день — зимой,
Январский день сорок второго года.
Моя подруга шла с детьми домой, —
Они несли с реки в бутылках воду.
Их путь был страшен, хоть и недалек.
И подошел к ним человек в шинели,
Взглянул — и вынул хлебный свой

пак,

Трехсотграммовый, весь обледенелый.
И разломил, и детям дал чужим,
И постоял, пока они поели;
И мать рукою серою, как дым,
Дотронулась до рукава шинели,
Дотронулась, не посветлев в лице...
Не ведал мир движенья благодарней!

Мы знали все о жизни наших армий,
Стоявших с нами в городе, в кольце.
Они расстались: мать пошла направо,
Боец — вперед, по снегу и по льду.
Он шел на фронт, за Нарвскую заставу,
От голода качаясь на ходу.
Он снег глотал, он чувствовал

с досадой,

Что слишком тяжелеет автомат.
Добрел до фронта и пополз в засаду
На истребление вражеских солдат...
...Теперь ты понимаешь, почему
Нет армии на всей земле любимей,
Нет преданней ее народу своему,
Великодушной и непобедимей?!

Ольга Берггольц

ДЕВУШКА-ОФИЦЕР

Выбиваются из-под фуражки
Русые упрямые кудряшки,
И глаза под черным козырьком
Светятся мальчишьям огоньком.
Вот она такая к нам в пехоту
Прибыла комвзводом в третью роту.

Мы погоревали так и этак,
Да и замолчали напоследок.
Мы солдаты, а приказ — приказ...
Тут и битва началась как раз.
«Юнкеры» — ни дна им, ни покрывки! —
Бомбами гвоздят без передышки;
Сотни пушек бьют через бугор;
«Тигры» надвигаются в упор.

Туго так не приходилось сроду
Стрелянному нашему народу.
Визг, и лязг, и вой, и дым, и чад, —
Словом, пекло, настоящий ад.
Может быть, такой горячей каши
И не расхлебали б парни наши.
Если б не легла, сильна, крепка,
Нам на плечи девичья рука.

Что таить? Пришлось нам удивиться:
Всех нас в руки забрала девица.
Танки прут, а ей и горя нет,
Будто воевала сотни лет.
Лишь задорнее из-под фуражки
Вьются непокорные кудряшки,
И глядит спокойствие на нас
Из ее мальчишских серых глаз.

Мы, как львы, сражались в этом деле.
Восемь злых атак перетерпели,
А под вечер через речку вброд
Сами ходом двинулись вперед.
Жарко было...

Вот каким манером
Мы сдружились с нашим офицером,
Потому что люди на войне
Узнают товарищей в огне.

И теперь спроси у нас в пехоте,
В боевой гвардейской третьей роте,
Кто из офицеров знаменит?
Слава чья в дивизии звенит?
Всяк укажет: «Вон стоит в фуражке,
Под фуражкой русые кудряшки,
Марлей забинтована рука, —
Это гордость нашего полка».

Алексей Сурков

БОГАТЫРЬ

Когда сломались и копьё и меч,
Лишь рукоять осталась от булата,
А все еще не утихала сечь, —
Схватил былинный витязь супостата.

И с ним по полю, как с косой по ржи,
Пошел, колонны вражьи сокрушая:
Махнет направо —
Улица лежит,
Махнет налево —
И лежит другая...

Нет, мой товарищ так не воевал.
Но в дни, когда нас повела победа,
Он семь недель под крышею не спал,
Ел на ходу и устали не ведал.
Однажды послан с донесеньем был,
И под обстрелом, в снаряженьи ратном
Он три речных протоки переплыл,
А час спустя уже спешил обратно.

В подбитом танке десять суток мерз,
В нейтральной зоне, на полоске узкой,
И уцелел.
Он высоко пронес
Былинный бархат нашей славы русской.

Шагая в бой с гранатой в руке,
Он вспоминает дом, лесные гривы,
Флажки меж сосен в мирном городке,
Свои забеги
И свои заплывы,
Прыжки через барьеры и в длину, —
Все, что казалось ранее забавой,
Когда еще не думал про войну, —
И запах трав,
И смех над переправой...

И на привале при ночном огне
Строчит друзьям, еще не знавшим боя,
Что хорошо быть сильным на войне,
Что сила — это дело наживное.

Александр Яшин

МАРИЯ

Когда уходил, заглянула в глаза,
Сказала: «Уйду за тобою в леса».

Глядел я на тонкие брови вразлет,
На слабые руки, на горестный рот

И видел десятки мучительных верст,
Засады, погони, огонь вперекрест,

Ночные болота в холодном дыму...
И я головой покачал: «Не возьму!»

...Как звезды в рассвете, как щуки в реке,
Исчез наш отряд в голубом сосняке.

В двенадцать часов по ночам из болот,
Когда партизанское солнце встает,

Шипела трава разозленной совой;
На насыпи падал чужой часовой;

Сове отзываясь, кукушка кричала,
И взрывом тяжелую землю качало,

И вновь нависал настороженный лес
Над грудой разбитых вагонов и рельс.

Немецких карателей черные стаи
Встречала болотная полночь пустая,

Сторукие в сером тумане кусты,
Глаза родников и деревьев посты.

А там, позади, горячо и кроваво
В притихшем селе догорала управа

Со всем: с комендантом, убитым на месте,
Со взводом охраны и старостой вместе.

А мы уходили, скрываясь во мгле,
Как уголь в золе, как дождевка в земле.

Но лес — это лес, и война есть война,
И смертью и славой приходит она.

На страшном рассвете в трущобе лесной
С немецким отрядом мы приняли бой.

От взрывов кустарник срывался в полет,
Как тысячи дятлов, стучал пулемет,

Свинец голосил, шевеля волоса,
Дымилась в траве кровавая роса,

И с визгом безглазая гибель над нами
Шныряла совиными злыми крылами.

Свободу и ночь вдалеке от врага
Мы встретили — четверо из сорока!..

Как волки — в трущобе четыре недели!
От горя и ярости мы поседели.

Защитники края попали впросак,
А в селах бесчинствует пьяный пруссак.

Тогда поклялись мы: умрем, так умрем,
Но будем с врагом воевать вчетвером!

И тут обнаружилось странное дело:
Как будто пред нами отмщенье летело!

Мы к мосту бросались, а он уже взорван,
Мы к старосте — кончился староста-ворон,

Мы к поезду — в воздух летели вагоны
От нашей засады за полперегона...

Тогда мы решили, в немалой обиде,
Таинственных мстителей этих увидеть.

И мы натолкнулись в речном тайнике
На двух молодых партизан в челноке.

Когда нам в глаза из осоки примятой
Утрюмо уставились два автомата,

Мы подняли руки: свои ведь, ребята!..
И нас повели к командиру отряда.

А был командир узкоплеч, невысок,
Сбегала пушистая прядь на висок...

Смотрел я на тонкие брови вразлет,
На слабые руки, на горестный рот...

И я прошептал, обращаясь к нему:
«Возьмешь ли с собою, Мария?..»
«Возьму!»

Павел Шубин

РУССКИЙ СОЛДАТ

— Солдатик мой, касатик мой,
Товарищ дорогой,
Я своего ждала домой,
А вот зашел другой.

Зашел: — Хозяйка, есть попить? —
— Найдется, в добрый час.
Кого встречать, кормить, поить
Сегодня, как не вас!

— А можно валенки разуть,
У печки просушить,
Да крепкой ниткой как-нибудь
Шинель в плече зашить?

Летела пуля — порвала.
И надо же задеть!
Как будто в поле не могла
Сторонкой пролететь.

— С утра в печи дрова горят,
Чтоб ты обсохнуть мог.
Садись к огню, сушишь, солдат,
Снимай, солдат, сапог.

Как дома, будь в моей избе.
Давай шинель свою,
Я, как хозяину, тебе
Сейчас ее зашью.

И где-то он, хозяин мой,
Когда мне ждать его (домой?)..

Присел солдат на табурет,
Солдата клонит в сон.
Трофейных пачку сигарет
С трудом вскрывает он.

Хозяйка смотрит на стрелка:
— Да ты устал, видать?
Приляг, сынок, вздремни пока.
— И то прилягу, мать...

А шел боец издалека,
И все с боями шел.
Была дорога нелегка
От городов до сел.
И было некогда ему
Ни есть, ни пить, ни спать:
Все надо было моему
Солдату воевать.
Его бомбили — он лежал,
К нему летел снаряд,
В него стреляли — он бежал
Вперед, а не назад.
«Чем дальше я пройду вперед, —
Мечтал солдатик мой, —
Тем больше хлеба в этот год
Засеем мы весной.

Чем больше немцев уложу, —
Смекал он на ходу, —
Тем раньше путь освобожу,
Скорей домой приду.
При немцах на моей земле
Мне не бывать в родном селе...»

И беззаветно потому
Солдат мой воевал,
И было некогда ему,
И он ночей не спал.

Лежит солдат, храпит солдат,
Командует во сне.
Рукою обнял автомат —
Привык ведь на войне!

— Проснись, солдат, хоть сон глубок,
Как ни мягка постель.
Просушен валеный сапог,
Зачинена шинель.

А то придется догонять
Товарищей своих!
— И то встаю. Спасибо, мать!
Наспался за троих!

Хозяйка смотрит на стрелка:
— Когда ж войне конец?
— Определить нельзя пока, —
Ответствует боец.

Сказал солдат, и вышел он
На улицу села,
А по селу со всех сторон
Дивизия текла.

Коням на гривы падал снег,
В степи мела метель,
Вперед шел русский человек,
Ремнем стянув шинель.

Сергей Михалков

К Р О В Ъ

Шли в бой по снегу моряки.
Была ясна степная даль.
На всем пространстве от реки
Сверкали тонкие штыки,
Трехгранная дышала сталь.

Казалось, кроме этих жал,
Протянутых за край земли,
Мир ничего в тот миг не знал;
Штыки людей вперед влекли,

Несла в огонь немая власть.
Слепой закон толкал на рать:
Одно желанье — не упасть,
Одна надежда — не отстать.

Бой смолк. Немало молодых
На смерть споткнулось на бегу —
Один упал...
Другой затих...
И пятна крови возле них
Флажками рдели на снегу.

А руки устремлялись ввысь
И бороздили берега,

Все в даль тянулись,
Все дрались —
Рвались за горло взять врага.

И стало ясно: не штыки,
Не сталь, не страх людей вели.
Недаром красные флажки
В сердцах своих бойцы несли.

Александр Яшин

САЛЮТ

Двенадцать раз ударили орудья,
Сияло небо, словно светлый сад.
Казалось: лился на поля беззвучно
Багряный и зеленый водопад.

Что в утлой памяти звучало прежде,
Звенело снегом вдохновенных дней,
Все наши чувства, радости, надежды
Вновь возникали в памяти моей.

Увидел я в стоцветном полукруге,
В широком зареве живых огней
Могучий Днепр в серебряной кольчуге
И стройную дружину тополей,

И мирный берег в отблеске кровавом,
И темный лес, и пастбища вдали,
Где тени туч плывут по свежим травам,
Как гордого Олега корабли.

Неодолима в битве, в громе ратном
Ты, героиня-родина! Кругом
Чернеют вражьих самолетов пятна
И трупы танков на снегу глухом.

Деревья стряхивают серый пепел,
Заря над миром ясная встает.
Гремит салют... Светлеют реки, степи,
То Сталин руку миру подает.

Вновь проступает в зареве морозном
Величественный силуэт Кремля.

И свет ракет, то палев, то вдруг розов,
Трепещет в небе, тучи окрыля.

Летят цветы, наполненные светом,
Гремят орудья у Москва-реки.
И в вечность катится салюта эхо,
Идут на запад верные полки.

Володимир Сосюра

Перевел с украинского *Николай Берендгоф*

РОДНОЙ УРАЛ, ТЫ ГРОЗНЫМ СТАЛ!

Я, друзья-товарищи,
На Урале рос,
Здесь зима суровая:
Ветер да мороз...

Но если б снова родину
Себе я выбирал,
Я бы не задумался —
Выбрал бы Урал.

Наши горы грозные,
Железные хребты.
Нет нигде, по-моему,
Подобной красоты.

В скалах камень-самоцвет,
Редкий минерал, —
Мне говорил об этом дед,
Он был шахтером двадцать лет,
Он знает весь Урал.

Здесь открыт секрет булата,
Здесь сковали первый меч,
Кто-то здесь, в горах,
Когда-то
Сделал тигельную печь.

Веками плавился металл...
Родной Урал,
Ты грозным стал:
Ты сталь обрушил

На врага,
Стальные танки
В бой послал.
Я могу итти на спор,
Что лучше нет
Уральских гор.

А. Барто

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Я, как все другие девушки родные,
Милому один завет даю:
Ты давал присягу? Так назад — ни шагу,
Жизни не жалея своей в бою.
Мы и дни и ночи за станком рабочим
Грозное оружие куем.
Хороши гранаты мастерят девчата
В городе любимом и большом.
Всем бойцам скажи ты — крепче мы гранита,
Каждая стахановка — боец.
В грохоте сраженья слушайте биенье
Тысячи разгневанных сердец.
Это голос мести за позор невесты,
Девушки, подруги дорогой.
Лучше пуля в сердце, чем фашиста-немца
Буду я покорною рабой.
За страну родную в бой тебя зову я,
Близкий нам, товарищ человек.
Ты давал присягу? Так назад — ни шагу,
Русский, украинец и узбек.
Лучше пасть в сраженьи, чем, искав спасенья,
Родине любимой изменить.
Кто в бою смелее, жизни не жалеет,
Тот врага сумеет победить.
Бей, громи гранатой злобного врага ты,
За себя, за честь мою постой.
Верь: душой повсюду я с тобою буду,
Милый мой,
хороший,
мой герой.

Федор Чернышев

ПЛЕННИЦА

Девушка, свежий цветок голубой,
Дочь украинских полей,
Жизнь расстилала в былом пред тобой
Лучший из всех путей.
Как Украина, была ты чиста.
Как Украина, добра.
Ноги твои омывала вода
Быстрой волны Днепра.
Смерч тебя вырвал и вдаль от родных,
К мрачному Рейну, унес,
Чтобы пролились из глаз голубых
Горькие реки слез.
Дни твои обнял мучительный мрак,
Страшною стала судьба,
Цепью отмерен твой легкий шаг,
Имя тебе — раба.
Пашешь ты землю, и лемех чужой
Сердце твоё бороздит.
Нет, никогда не излиться слезой
Горю, что тяжко томит.
Жалко собаку хозяйке твоей,
В стужу зовет её в дом,
Ты же сидишь у закрытых дверей,
Птица с подбитым крылом.
В долгие, темные ночи без снов
Память не знает преград.
Снова у мирных родных берегов
Волны Днепра шумят.
Ты вспоминаешь с тоскою того,
Кто в предвечерний час
Чистую, теплую счастья слезу
Стер поцелуем с глаз.
В длинные, трудные ночи без сна
Снова ты видишь свой дом,
Но над тобою чужая луна
Бродит на небе чужом.
Кажется, мышью летучей бы стать,
Взвиться в родные края, —
Синюю выжгла на шее печать,
Впившись, веревка-змея.
Пусть же тебе, точно песни, несут
Ветры от отчих полей

Родины грозный, победный салют,
Бег боевых коней.
Скоро зажжется сквозь тень облаков
Солнце твоей судьбе.
Юноша твой во главе храбрецов
Мчится на помощь тебе.
Всюду несут они радость с собой,
Всюду спасенье несут.
Близок последний решительный бой,
Близок последний салют!

Ованес Шираз

ЗАБОТЛИВАЯ ЖЕНСКАЯ РУКА

На вид она не очень-то крепка,
Когда дитя качает в колыбели...
Но как, друзья, сильна она на деле —
Заботливая женская рука!

Она не только лестует свой дом,
Не только нежность к детям ей знакома, —
В родной стране она везде, как дома,
Она в беде прикроет, как щитом.

Когда от бомб в стропилах чердака —
Мгновенье — и строенье загорится,
Она уже в пожарной рукавице —
Заботливая женская рука.

Под градом пуль, под орудийный гром,
Под гул артиллерийского прибора
Она бесстрашно вынесет из боя
И раны перевяжет под огнем.

Ей ведомы лопата и кирка,
Она копает рвы, кладет настилы,
Она работает с неженской силой —
Заботливая женская рука.

За родину, за свой родной очаг,
За детскую каштановую чолку,
За детский голос, чтобы не умолк он,
За город, чтоб в него не вторгся враг,

За благородство жизненных путей —
Бестрепетно она любого гада
За горло схватит, если это надо, —
Попробуй, вырвись из ее когтей!

Открытая, все жилки в ней видны,
Бесхитростная, вся как на ладони...
И горе тем, кто честь ее затронет,
Кто посягнет на мир ее страны!

Она ответит щелканьем курка,
Движением затвора... чем придется!
Враг не уйдет. Она не промахнется —
Заботливая женская рука.

Вера Инбер

РАБОТНИЦАМ НАШИХ ПОЛЕЙ

Я помню: когда в старину
Казах уходил на войну,
Когда на войну уходил
И сына с собой уводил,
Тогда поручал он жене
Заботу о доме своем,
О мирном своем табуне,
О тучной родной целине,
Покрытой густым ковылем.

Покуда мечом и копьем
Отечество он защищал,
Он матери скот поручал,
К охоте сестру приучал
И еле подросшую дочь
Обязывал зерна толочь.

Об этом старинном труде,
О твердости женской руки
Поныне всегда и везде
Седые поют старики.
Об этом над вешней водой
Джамбул вспоминает седой.

Чтоб лопнула вражья броня,
Как черный болотный пузырь.

Чтоб схлынуло море огня,
Что лижет советскую ширь,
Взнуздан вороного коня
Народный лихой богатырь.

Он скачет и песню поет,
Он в синий небесный пустырь
Уводит стальной самолет,
Он грозные танки ведет,
Он танками давит врагов,
Немецкие топчет полки,
Как топчут гадючки клубки
Копыта могучих быков.

Он силой карающей стал.
А чем он вчера еще был?
Он злак урожая считал,
Он силой взрыхляющей был.
И вот он от дома далек...
Кому же теперь невдомек,
Что сеятель, пахарь и жнец
Средь недругов сеет свинец,
В дугу их, как дерево, гнет,
Их косит, и давит, и жнет?

Он в смертном кровавом бою
Семью защищает свою,
За правое дело стоит,
За родину смело стоит,
Стоит за свободу и честь.
И всюду на быстрых крылах
За вестью разносится весть
Об им совершенных делах.
Где землю пахал он вчера,
Его заменила сестра.
Сражается пахарь и жнец,
Но мать его, дочь и жена
Постигли всей глубиью сердец,
Что помощь их фронту нужна.

Родимая! Трактор веди,
С машиной хозяйственно ладь,
За винтиком каждым следи,
Работай танкисту подстать,

И, с ним соревнуясь, гляди —
Горючего даром не трать...

Подруги, трудитесь в тылу!
Все думы теперь об одном:
Чтоб землю готовить к теплу,
Чтоб колос был полон зерном.
На помощь в заветном труде
И школьник спешит, и старик,
И пусть мальчуган невелик,
А дед — с сединой в бороде,
Но будут в порядке хлеба!

Ведь нынче повсюду борьба.
Ведь с трактором дружит ружье,
И Сталин, чье слово — судьба,
На запад теснит воронье.

Вот выйдешь ты, дочь, на жнивье
И, пот утирая со лба,
Воскликнешь: «Уж я ли слаба?
Уж нам ли зимой не житье?
А вот они — наши хлеба,
А вот оно — дело мое!»

Джамбул

Перевод с казахского *Марка Тарловского*

СТАЛИНГРАД

Его мы любим таким —
Просторным, цветущим и стройным,
Веселым, стеклянным, сквозным,
Трудящимся, чистым, спокойным.
Казалось — в нем все города
Сошлись показать свою прелесть.
Его отражала вода,
И песни над Волгою пелись.
Подстриженный солнечный сад
Мы Тракторным звали заводом,
Любимец страны — Сталинград,
Как в сказке, светлел с каждым годом.
К нему подступила беда,
Нежданно, как к горлу рыданье.

Забыть ли то утро, когда
Их танки пошли по окраине?
Он с воздуха весь разнесен,
Обстрелом с земли изувечен,
Но образ его, как закон,
Незыблем в душе человеческой.
Мы любим наш город таким —
Суровым, бесстрашным и твердым,
Разбитым, сгоревшим, ночным,
Несчастливым и все-таки гордым!
Любовь эта очень крепка:
Ей служит страданье основой.
Так любят отца-старика,
Так любят ребенка больного.
В сраженьи за город родной
Достанется право любить нам.
За каждую комнату — бой,
За каждую улицу — битва!
Нет, сердцу мириться нельзя
С обугленной черною тучей.
И только закрою глаза,
Вновь вижу я город цветущий.
Словам не изменим своим.
Пусть бой беспощаден и страшен.
Наш город, ты будешь таким —
Просторным, прозрачным, живым,
Прекрасным, как в памяти нашей!

Евг. Долматовский

КАРТА

Вторые сутки город был в огне,
Нещадно день и ночь его бомбили.
Осталась в школе карта на стене:
Ушли ребята, снять ее забыли.

И сквозь окно врывался ветер к ней,
И зарево пожаров освещало
Просторы плоскогорий и морей,
Вершины гор Кавказа и Урала.

На третьи сутки, в предрассветный час,
По половицам тяжело ступая,

Вошел боец в пустой, холодный класс.
Он долгим взглядом воспаленных глаз
Смотрел на карту, что-то вспоминая.

И вдруг решив, он снял ее с гвоздей
И, вчетверо сложив, унес куда-то,
Изображение родины своей
Спасая от немецкого солдата.

И было это памятной зимой
В разрушенном, пылающем районе,
В тот грозный год, для немцев роковой,
Когда бойцы под самую Москвой
В незыблемой стояли обороне.

Шел день за днем, как шел за боем бой.
И тот боец, что карту взял с собою,
Свою судьбу связал с ее судьбой,
Не расставаясь с ней на поле боя.

А становясь на отдых, на привал,
Он, расстегнув крючки своей шинели,
В кругу друзей ту карту раскрывал,
И молча на нее бойцы смотрели.

И каждый узнавал свой край родной.
Искал свой дом — Казань, Рязань, Калугу.
Один — Баку, Алма-Ата — другой.
И так, склонившись над своей страной,
Хранить ее клялись они друг другу.

От немцев очищая города,
Освобождая из-под ига села,
Боец с боями вновь пришел туда,
Где карту он когда-то взял из школы.

И на урок явившись как-то раз,
Один парнишка положил на парту
Откуда-то вернувшуюся в класс
Помятую, потрепанную карту.

Она осколком прорвана была —
От города Орла до Приднепровья,

И пятнышко темнело у Орла,
И было то красноармейской кровью.
И место ей нашли ученики,
Чтоб каждый день с веселым
нетерпеньем,
Переставляя красные флажки,
Итти вперед, на запад, в наступленье!
Сергей Михалков

НЕНАВИСТЬ

Он перепрыгнул через черный тын,
Ворвался в дом и вырос на пороге.
Фашистов было трое. Он — один,
Один в звериной вражеской берлоге.

Глаза в глаза. Счет на секунды шел.
Костлявый немец поднял парабеллум,
Но опоздал. И, рухнув навзничь телом,
Свернулся там, где штык его нашел.

Второго пуля повалила вниз.
Сцепившись с третьим яростно, без страха,
Он под себя подмял его с размаха,
Прижал к стене и горло перегрыз.

Потом поднялся. Вытер пот с лица.
Три мертвеца у ног его лежали...
Семь дней назад у этого бойца
Жену и сына немцы расстреляли.

С. Островой

Я — С ВОЙНЫ

Приехал издалека я:
Приехал я с войны.
Теперь учусь на токаря:
Нам токари нужны.

Братишка был еще живой,
Он бился, звал отца,

Штыком немецкий часовой
Столкнул его с крыльца.

Мне не забыть,
Как мать вели,
Я слышал крик ее
Вдали.

Теперь стою я за станком,
Я вспоминаю мать.
Она звала меня сынком
И теплым вязаным платком
Любила укрывать.

Мне не забыть,
Как мать вели,
Мелькнул платок ее
Вдали.

Тот крик забыть я не могу,
И небо все в огне.
Я отомщу за все врагу,
Пусть я не на войне.

Пусть не винтовкой,
Не штыком,
Я оплачу им
За станком.

Теперь учусь на токаря:
Нам токари нужны...
Приехал издалека я:
Приехал я с войны.

А. Барто

ДАЛЕКОМУ ДРУГУ

И этот год ты встретишь без меня.
Когда б понять ты до конца сумела,
Когда бы знала ты, как я люблю тебя,
Ко мне бы ты на крыльях долетела.
Отныне были б мы вдвоем везде,
Метель твоим бы голосом мне пела,

И отраженьем в ледяной воде
Твое лицо бы на меня смотрело.
Когда бы знала ты, как я тебя люблю,
Ты б надо мной всю ночь, до пробужденья,
Стояла б тут, в землянке, где я сплю,
Одну себя пуская в сновиденье.
Когда б одною силою любви
Мог наши души поселить я рядом,
Твоей душе сказать: приди, живи,
Бесплотна будь, будь недоступна взглядам,
Но ни на шаг не покидай меня,
Лишь мне понятным будь напомниманьем:
В костре — неясным трепетом огня,
В метели — снега голубым порханьем.
Незримая сама — смотри, как я живу,
Как, вида никому не подавая,
Тебя на помощь молча я зову,
Всегда, когда в опасности бываю.
Незримая, смотри, как я пишу
Листки своих ночных нелепых писем,
Как я слова беспомощно ищу,
Как нестерпимо я от них зависим.
Я здесь ни с кем тоской делиться не хочу,
Свое ты редко здесь услышишь имя.
Но если я молчу — я о тебе молчу,
И воздух населен весь лицами твоими;
Они кругом меня, куда ни кинусь я,
Все ты в мои глаза глядишь неутомимо.
Да, ты бы поняла, как я люблю тебя,
Когда б хоть день со мной тут прожила незримо,
Но ты и этот год встречаешь без меня.
Подумай, как я по тебе тоскую,
Представь, как мы сегодня у огня
Пьем перед боем наспех вкруговую.
Пусть в эту ночь с тобой я буду наравне,
Пусть я хоть так на шаг к тебе приближусь:
В тот миг, когда привидишься ты мне,
Пусть в тот же миг и я тебе привижусь.
Да так привижусь, чтоб с тобой потом
Мы в старости всю жизнь припоминали
И все-таки не вспомнили о том,
Что этот год не вместе мы встречали.

Константин Симонов

СЫН

(Отрывок из поэмы)

Мой сын погиб. Он был хорошим сыном,
Красивым, добрым, умным, смельчаком.
Сейчас метель гуляет по лощинам,
Вдоль выбоин, где он упал ничком.
Метет метель и в рог охрипший дует,
И в дымоходах воеет и вопит
В развалинах.

А мне она диктует
Счета смертей, счета людских обид.
Как двое встретились? Как захотели
Стать близкими? В какую из ночей
Затеplился он в материнском теле,
Тот синий огонек, еще ничей?
Пока он спит, и тянется, и тянет
Ручонки вверх, ты все ему отдашь.
Но погоди, твой сын на ножки встанет,
Потребует свистульку, карандаш.
Ты на плечи возьмешь его. Тогда-то
Заполыхает синий огонек.
Начало детства, праздничная дата,
Ничем не примечательный денек.

В то утро или в тот ненастный вечер
Река времен в спокойствии текла,
И крохотное солнце человежье
Рванулось в мир для света и тепла.

Но разве это, разве тут начало?
Начала нет, как, впрочем, нет конца.
Жизнь о далеком будущем молчала,
Не огорчала попусту отца.
Она была прекрасна и огромна
Все те года, пока мой мальчик рос, —
Жизнь облаков, аэродромов, комнат,
Оркестров, зимних вьюг и летних гроз.

И мальчик рос. Ему ерошил кудри
Весенний ветер, зимний — щеки жег,
И он летел на лыжах в снежной пудре
И плавал в море — бедный мой дружок!
Он музыку любил, ее широкий
Скрипичный вихорь, боевую медь.

Бывало он садится за уроки,
А радио над ним должно греметь,
Чтоб в комнату набились доотказа
Литавры и фаготы вперебой,
Баян из Тулы, и зурна с Кавказа,
И позывные станции любой.

Он ждал труда, как воздуха и корма:
Чертить, мять в пальцах, красить что-нибудь.
Колонки логарифмов, буквы формул
Пошли за ним из школы в дальний путь.
Макеты сцен, не игранных в театре,
Модели шхун, не пльвших никуда...
Его мечты хватило б жизни на три
И на три века, — так он ждал труда.
И он любил следить, как вырастали
Дома на мирных улицах Москвы,
Как великаны из стекла и стали
Купались в мирных бликах синевы.
Он столько шин стоптал велосипедом
По всем Садовым, за Москва-рекой!
И столько пленки перепортил «Фэдом»,
Снимая всех и все, что под рукой!
И столько раз, ложась и встав с постели,
Уверен был: нет, я не одинок...
Что он любил еще? Бродить без цели
С товарищами в выходной денек
Вплоть до зимы без шапки. Неприлично?
Зато удобно, даже горячо.
Он в суতোлке праздничной, столичной,
Как дома, был. Что он любил еще?

Он жил в Крыму в то лето. В жарком полднѣ
Сверкал морской прилив во весь раскат.
Сверкал песок. Сверкала степь, наполнив
Весь мир звонками крохотных цикад.
Он видел все до точки, не обидел
Мельчайших брызг морского серебра
И в первый раз он девочку увидел
Совсем другой и лучшей, чем вчера.
И девочка внезапно убежала.
И звонкий смех еще звучал в ушах,
Когда в крови почувствовал он жалѳ
Внезапной грусти, чаще задышав.

Но отчего грустить? Что за причина
Ему бродить между приморских скал?
Ведь он не мальчик, но и не мужчина,
Грубил девчонкам, за косы таскал.
Так что же это, что же это, что же
Такое, что щемит в его груди?
И сразу окрылен и уничтожен.
Он знал, что жизнь огромна впереди.

Он в первый раз тогда коснулся жизни.
Все кончено. То был последний раз.
Ты, море, всей гремящей солью брызги,
Чтоб подтвердить печальный мой рассказ.
Ты, высохший степной ковыль, наполни
Весь мир звонками крохотных цикад.
Сегодня нет ни девочки, ни полдня...
Метет метель, метет во весь раскат.
Сегодня нет ни мальчика, ни Крыма.
Метет метель, трубит в охрипший рог.
И только грозным заревом багрима
Святая даль прифронтовых дорог.

И только по щеке в дыму махорки
Ползет скупая, трудная слеза,
Да карточка в защитной гимнастёрке
Глядит на мир, глядит во все глаза.
И только еженощно в разбомбленном,
Ограбленном старинном городке
Поет метель о юноше влюбленном
И погребенном тут, невдалеке.

Павел Антокольский

С Е Н О К О С Н О Е

Край родной!
Все луг да поле.
Сизый лес.
Ручей в кустах.
Наше русское раздолье —
Сине-море, май в цветах!..
Май пригожий полон соком,
Улыбается, глядит;
На плече его высоком
Красно солнышко сидит.

...Веселей ходи в носилках,
Как начнет в брильянтах рос
Резать прядями косилка
Травы-волосы в покос.
Где ей трудно, не достанет,
Трав под гребень не возьмет,
Там народ на помощь встанет,
Вровень по лугу пойдет.
Богатырский замах справа
Да налево — в сотню кос.
И поднимутся по травам
Запах меда, стайки ос.
И пока заря, пылая,
Догорит,
Передо мной
Травы лягут.
Удалая
Песнь окликнет край родной.

* * *

— Ты клади грядами ровными,
Да легко, да хорошо,
Травы тихие да скромные
Да под самый корешок,

Чтоб коровы не мычали
По колхозным по дворам,
Чтоб и кони не скучали
По траве «до петрова».

Чтобы резвая Пегашка,
Нажевавшись сена всласть,
Под бубенчиком, в упряжке,
Как на крыльях, понеслась.

Чтоб у конников в походе
Каждый конь был, как огонь,
И фашистское отродье
На лету сшибал наш конь.

...Так взмахни, рука, пошире,
Сбей косою бусы рос.
Есть ли что дружнее в мире,
Чем колхозный сенокос!

Павел Кудрявцев

Твои самолеты, летая по небу,
В атаку пойдут на врага.

Едва только месяц взойдет над землею,
Ты свежий кумыс приготовь,
Мы, точно вино, его выпьем с тобою
За нашу большую любовь.

Врагов мы, как зверя по свежему следу,
Из нор выбиваем губя.
Вернусь я! А нет — то вернется победа
И солнцем согреет тебя.

А. Ихсан

Перевод с башкирского *Е. Ильиной*

ЗОЛОТАЯ ПЕСНЯ О РОССИИ

(Отрывок из поэмы «Россия»)

Гармоника сорвалась с плеч,
Ходит изба, ходит печь,
Ходит брага, хороша,
Ходит Настенька-душа,
Та, что ростом хоть мала,
Зато характером мила!

Ходит водка — злой напиток,
И на лавках, вдоль стены,
За столом сидят: Никита
Свет-Фадденч и сыны.

За столом сидят сыны,
Дорогие, боевые, золотые — нет цены!

Брага в кружках хороша,
Ходит Настенька-душа,
Наливает не спеша.

Настя ростом хоть мала,
Но с неба звездочки рвала!
Как на Настеньке сатин —
На две улицы один!

Жито в поле, колосись,
Платье алое, носись,

Чтоб форсила маленька
В новом платье аленьком.
Чтобы платьице горело,
Чтоб хозяйюшка добрела!

* * *

Песню на кон! И она столетней
Каждому закланялась певцу.
Песню спели, выпили по третьей,
Обратился старший сын к отцу:

— За окном, отец, Россия наша
От Амур-реки и за Двину,
Так благослови сынов, папаша, —
Мы идем, папаша, на войну.

Нынче хлеб и соль с тобою делим,
Ну, а завтра будем далеко,
Так благослови ты нас, Фаддеич,
Запросто, душевно и легко.
Чтобы бились мы, как бились деды,
Чтобы сгинул лютей супостат...
Настенька, налей нам за победу,
Чтобы все вернулись мы назад!

Чокнулись и кружки осушили,
И отец поднялся со скамьи.

— Я благословляю вас, большие
Сыновья мои, сыны мои.
Чтобы сгинул враг распроклятый
С каждой тропки, с каждой колен,
Я благословляю вас, орлята, —
Не орлята, а срлы мои!
Нет, не будет русский мир безмолвным,
В славе будут русские края...
Настенька, налей-ка вновь по полной,
Выпьем за Россию, сыновья!

За Россию все мы нынче встали,
Без нее нам свет не будет мил.
За нее на бой, на битву Сталин
Миллионы нас благословил.

Выьем за черемухи и вишни,
Зорь России красную игру,
И за то, чтоб каждый был не лишним
На ее, дай бог скорей, пиру!

За Россию — вечную отраду,
За открытый взгляд ее простой,
Рек ее стремительных прохладу
И ручьев малиновый настой!
И еще за то, чтоб в полной силе
Шла везде, вольна и высока,
Золотая песня о России...
Ну-ка, запевай ее, Лука!

А. Прокофьев

ПРОЗА

БОЙЦУ-ПОВЕДИТЕЛЮ

От Баренцова до Черного моря героически и победно сражаешься ты, боец Красной Армии. На земле, в воздухе, на водных просторах гремят выстрелы, рвутся снаряды и бомбы. Ты дерешься за зеленую украинскую землю, за белорусские равнины, за фабрики, построенные твоими руками, за города, где живут твоя мать и твой ребенок. Ты сражаешься за Советский Союз — отчизну трудящихся. Ты сражаешься, отбивая коварное нападение на твою землю. Ты сражаешься против врага нашей страны, врага свободы, вольности, культуры.

Кровавая лапа фашизма, поработив и разрушив страны Европы, протянула к нам свои хищные когти. Думал коричневый грабитель, что и здесь он пойдет так же легко, как прошел он, сжигая и уничтожая все на своем пути, через Польшу, Францию, Бельгию.

Но тут, на нашей земле, столкнулся он с тобой, боец Красной Армии. Танк натолкнулся на танк, пулемет на пулемет, бомбардировщик на краснозвездного истребителя. И прежде всего ты встретился со слепой, темной силой людей, опьяненных сивухой, гонимых вперед приказом фашистских главарей, обманутых лживыми лозунгами. Фашист столкнулся с твоей сознательной силой, с твоей решительностью, готовностью к борьбе, с глубоким патриотизмом советского бойца.

Ты борешься, защищая то, что добыто кровью в Октябре. Ты борешься, защищая то, что добыто исполинским трудом советского народа. Ты борешься, защищая

прекрасные богатства советского государства. Ты борешься против врагов всего человечества.

Боец Красной Армии! Мы все с тобой. Каждое сердце на советской земле бьется глубочайшей любовью к тебе и горит верой в твою окончательную победу. Мы все думаем о тебе, мы все отдаем свои силы и готовы отдать свою жизнь делу, за которое ты сражаешься.

Сегодняшний день, день тяжелых испытаний, объединил нас в едином стремлении, в едином усилии. Для тебя, для твоей победы трудится рабочий на заводе, горняк в шахте, колхозник в поле. И не только советская земля поднялась и стала за тобой стеною, — вся поработанная, стонущая под гитлеровским сапогом Европа ждет твоей победы.

Ты борешься за миллионы людей, угнетенных фашизмом. Бой суровый, враг жестокий, но победа будет за нами. Каждый день приближает нас к этой победе. И каждый час, каждый миг мы с тобой, боец Красной Армии! Полагайся же на нас в труде так, как мы полагаемся на тебя в бою.

Вместе боремся мы за отчизну, за наше алое знамя, за честь и свободу советского народа, за нашего Сталина. Твоя красная звезда все ярче светит блеском героизма. Весь цивилизованный мир, затаив дыхание, смотрит, как на земле, в небесах и на море громишь ты лютых врагов человечества. И весь этот мир желает тебе полной, блистательной победы!

Ванда Василевская

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Человек стоял, запыхавшись, злой и растерянный.

— Насилу вас нашел: в этой тьме и собственного дома не отыщешь. — сказал он, сшибая снег с шапки. — Это, что ли, родильный?

— Это, — сказали ему. — В чем дело, товарищ?

— «В чем дело» — женщина там в переулке рождает, вот в чем дело...

— А вы кто такой?

— А я прохожий. С ночной смены иду. Идемте скорее. Я покажу вам. Ну и дела... Иду, а тут она. И никого нет, кроме меня... А я же не акушерка.

Через минуту Ирина, санитар и прохожий быстро шли

по сугробам. Было очень темно. Дома стояли, как скалы. Ни одного огонька не светилось. Вьюга мела вихри, завитки снежной пыли носились по воздуху; казалось, что улицей пробегают тени разведчиков, прозрачные, холодные, быстрые.

Они присели у сугроба, уткнувшись в спину друг другу. Равномерное, тонкое, нарастающее гуденье приближалось. Они втянули головы в плечи. Красное пламя рванулось где-то из-за угла, и грохот разрыва пронесся по улице. С одного дома слетели ледяшки-сосульки и звонко разбились внизу.

— Ох, не задело бы ее! — сказала Ирина.

— Нет, она по другую сторону, ищите там, — сказал прохожий. — Вот за тем фонарем и ищите. А я пошел. А то вот он как кидается сегодня. Еще пришибет.

Ирина не была специалисткой по родам. Она дежурила по приему рожениц, но сейчас нужно было идти в ночь, где рвутся снаряды, и отыскать эту рожаящую женщину, во что бы то ни стало помочь ей. Ждать тут было нечего. Никто другой на помощь не придет. Глухая ночь. Вьюга, мороз, стрельба. Над головой с лязганьем и завываньем проносились все новые снаряды. Ирина перебежала с санитаром от сугроба к сугробу и останавливалась прислушиваясь.

Стон донесся справа. Они бросились туда, и действительно: за фонарем, как указывал прохожий, прижавшись спиной к стене дома, у запертых наглухо ворот сидела на снегу женщина. Ирина упала перед ней прямо в снег на колени, и женщина схватила ее за руку жаркой, дрожащей рукой.

Да, эту женщину доставить в родильный было уже поздно: она рожала. Рожала на снегу, в черную зимнюю ночь, освещенная вспышками рвущихся снарядов. Ирина огляделась. Все походило на угрюмый вымысел. Снег сыпался за ворот, сильные порывы ветра ударяли в лицо, руки холодили, сердце билось от волнения так, что она слышала его стук. Казалось, никакого Ленинграда нет, есть дикая, темная пустыня, заметаемая зимней бурей под вой вражеских снарядов. Напрасно стучать в эти наглухо закрытые ворота, напрасно кого-то звать: улица пустынная, до утра по ней может не пройти ни один человек.

И тут, в этом мраке, на этом открытом всем ветрам месте, рождается новая жизнь. Надо ее спасти, надо ее

отнять у холода, мрака и пушек. Она больше не слышала выстрелов и разрывов. Она помогала женщине так, будто дело происходило в комнате, так, как это всегда...

...Она высоко подняла ребенка, как бы показывая его всему лежащему во мраке великому городу. Она несла его, прижав к своей груди, горячий, всхлипывающий комок, накрыв его своей шубкой. Она шла по снегу, на котором не было еще следа человеческой ноги.

За ней, поддерживаемая санитаром, как большая взломаченная птица, тащилась роженица. Она падала в сугробы, ее запекшиеся губы шептали: «Я сама...» Санитар, сам усталый, измученный человек, говорил только одно: «Сейчас дойдем, сейчас, уже близко...»

Вьюга бросала им в лицо пригоршни сухого снега. Где-то сыпались дождем стекла после громового удара. Они шли, как победители ночи, холода, канонады. Если бы нужно, это шествие прошло бы через весь город и пронесло бы маленькую новую жизнь, маленького нового человека, явившегося в наш город в такой удивительный час.

Мать знала уже, что родилась девочка. Она иногда протягивала руку вперед, к Ирине, несшей ребенка, точно хотела остановить ее, и снова опускала руку.

Они пришли в родильный дом. И когда женщина уже лежала в кровати и около нее суетились и помогали ей устроиться получше, она подозвала Ирину и сказала строгим, почти суровым шопотом:

— Как тебя зовут?

— А зачем вам это? — спросила Ирина.

— Хочу знать!

— Ирина зовут меня. А к чему вам мое имя?

— Дочку так назову — пусть тебя помнит. Ты ее спасла... Спасибо тебе от души...

И она поцеловала ее три раза... Ирина отвернулась и заплакала, сама не зная почему.

Н. Тихонов

II МИНОМЕТ ВИЛ...

В разведке под Севастополем трое краснофлотцев вышли на минометную немецкую батарею. Они бросили в окоп несколько гранат и перестреляли разбегающихся немцев. Батарея замолкла.

Казалось, можно было бы возвращаться — не каждый

день бывает такая удача. Но миномет был цел, и рядом лежало несколько ящиков мин.

— А что, хлопцы, — сказал раздумчиво Абращук, — мабуть, трошки покидаемся по немцу?

Он взялся наводить, Колесник — подносить ящики с минами, а третий разведчик, армянин Хастян, стал к миномету заряжающим.

Немецкие мины полетели в немецкие траншеи, нанося там серьезный урон, и все пошло хорошо. Наконец фашисты догадались, что по ним бьет их же собственный миномет. На трюх моряков посыпались снаряды и мины.

Казалось бы, пора было подорвать миномет и оставить окоп. Но моряки заметили, что их батальон, воспользовавшись неожиданной поддержкой миномета, поднялся в атаку. Тогда они решили бить по немецким траншеям, пока хватит немецких мин.

И миномет бил по фашистам. Все ближе и все чаще рвались рядом с моряками немецкие снаряды. Разрывы стали обсыпать краснофлотцев землей, осколки — визжать над ухом. Колесник упал: его ранило в ноги. Перевязавшись, он ползком продолжал подтаскивать к Хастяну ящики с минами.

И миномет бил по фашистам. Он бил яростно и непрерывно. Снова в самом окопе грохнул немецкий снаряд. Хастяну оторвало кисть руки. Моряки перетянули ему руку бинтом, остановили кровь. Он встал, шатаясь, протянул здоровую руку за очередной миной, которую подал ему с земли подползший Колесник, и опустил ее в ствол.

И миномет бил по фашистам.

Он бил до тех пор, пока до окопа не добежали краснофлотцы, ринувшиеся в атаку.

Даже выдавшие виды бойцы ахнули при виде трех окровавленных моряков, методически и настойчиво посылавших немцам мину за миной: один — безногий, другой — безрукий, третий — неразлично перемазанный кровью и землей.

Раненых тотчас понесли в тыл. А Абращук сказал:

— Эх, расстроили нашу компанию... Ну, становись к миномету... желающие... Тут еще полный ящик, бей по левой траншее, а я вперед пойду!

Он подобрал немецкий автомат и бросился вслед за атакующими моряками.

Леонид Соболев

ДАНИЛА

В позпрошлом году колхозники вырыли пруд. Плотины обсадили березами. На две тысячи рублей купили мальков. И в пруду развелись увесистые зеркальные карпы.

Данилу назначили сторожем пруда. Он полол водоросли, чистил русла студеных ключей, впадающих в водоем, подкармливал рыбу отрубями.

В первый же год колхоз получил дохода с пруда одиннадцать тысяч рублей. Данилу премировали патефоном. Он зазнался и запретил женщинам полоскать в пруду белье. Целые дни Данила ковырялся в пруду, полуголый, облепленный тиной и водорослями. Лунными вечерами он разгонял парней, гуляющих с гармошкой возле пруда.

— Рыбе покой нужен! — кричал Данила. — Карп, он, как свинья, нервный.

И вот сказали: близко немцы.

Колхозники погрузили свое добро на подводы, и длинные вереницы телег потянулись по расквашенной осенней слякотью земле. Председатель пошел к Даниле. Сторож лежал на печи и стонал, болея ревматизмом. Председатель не смог уговорить его уехать. Когда все ушли, Данила поднялся с печи, проковылял по осиротевшему колхозу, поднялся на дамбу, сел там у кривой березы и долго и печально курил, глядя на сверкающую воду.

Немецкий отряд расположился в колхозе. Данилу допросили и после не трогали. Посылали рыть картошку, таскать солому в хаты для ночевки солдатам. И побили всего только два раза. Один раз потому, что не снял во время шапку перед офицером, другой раз за то, что надел полушубок, хотя на вопрос, есть ли у него теплые вещи, сказал нет.

Как-то в колхоз пришла танковая колонна. Машины поставили за прудом в балке и замаскировали. Данила сверху, с дамбы, наблюдал, как расстановливали тяжелые машины, и его морщинистое, старое лицо оставалось равнодушным.

Вечером он пришел в хату, где поселился офицер, и, сняв шапку, сказал:

— Если ваше благородие желает рыбки, то я могу представить.

Офицер одобрительно крякнул.

Ночь была темная. Данила пришел на дамбу со снастью, завернутой в холстину. Отдохнув, он спустился по другую

сторону дамбы с лопатой в руках и, поплевав на ладони, принялся подрывать насыпь.

На рассвете из балки послышались крики немецких танкистов, выстрелы. И когда на помощь им сбежались караульные, балка была полна темной водой, а на поверхности плавали немецкие танкисты, взывая о помощи.

Данилу нашли на дамбе, на берегу пустого, теперь безводного пруда. Он сидел, обессиленный, возле кривой березы и курил. Лопата лежала рядом.

Офицер приказал расстрелять Данилу. Его поставили спиной к березе. Глядя пристально в глаза офицеру, Данила серьезно спросил:

— А как же насчет рыбки, ваше благородие? Я же ее на ваш аппетит наготовил, — и кивнул головой в сторону пруда, где в жидкой тине билась, издыхая, тяжелая рыба.

Офицер гневно выстрелил и промахнулся. Данила вытер о плечо кровь с рассеченной пулей щеки; ясно улыбнувшись, посоветовал:

— Чего торопитесь? Может, меня лучше повесить? Я бы тебя обязательно повесил, чтоб ты ногами землю шкреб, чтоб ты...

Данилу сбросили вниз с дамбы. Он лежал в тине лицом вниз, и возле его широко раскинутых рук, как золотые скользкие слитки, трепетали засыпающие зеркальные карпы.

Вадим Кожевников

СЫН ТЕТИ ПАШИ

В издательстве у нас всем было известно, что сын нашей уборщицы тети Паши, пулеметчик Василий Суховеев, пропал без вести.

Давно не было писем от него. Старуха совсем извелась от беспокойства. Все очень жалели тетю Пашу и, как могли, обнадеживали ее. Найдется, мол, твой Василий, будет случай — и подаст о себе весточку.

На-днях к тете Паше прибежала на работу ее племянница Нюша.

— Тетя Паша! — закричала она еще издали. — Я сейчас Васю вашего видела!

Тетя Паша медленно подняла руки к горлу и схватилась за концы платка, завязанные узлом под подбородком.

— Грех тебе смеяться, Нюшка.

Я тебя не звала домой. Ты сказал — твое место в бою. Ты за родину встал свою. И я крепко верила: вот таких даже смерть не берет.

Но взяла.

Так хочу расплаты! Вы, кто будет работать и жить, — Петьке, мальчику и солдату, в памятнике не откажите. В памятнике из черного золота.. Я не плачу. Молчи, отчаянье!.. Черным золотом из-под молота пусть прорвется волной нескончаемой. Пусть он будет живым, не каменным — этот памятник жизни пламенной! Пусть он вспыхнет горячими звездами в чревах домен и бронепоездов.

Я за мстью пришла, шахтеры! Дайте угля! Это оружие. Дайте угля! Это моторы. Дайте! Уголь, как ненависть, нужен!

Я от женщин пришла, забойщик! Я за брата, они — за мужа мстить готовы ценой любовью! Нам для мести твой уголь нужен!

И когда по немецкой нечисти хлынет уголь с сибирской силою, я за Петьку скажу человеческое, слезами омытое: — Спасибо!

Э. Якуб

ПОТЕРЯННЫЙ СЫН

Вбегаем в станицу, узнать ничего не могу. Я в той станице когда-то бывал и знакомых имел, а сейчас бегу и ничего не узнаю. Хаты горят, машины немецкие горят, взрывается что-то. И ни единой души народу. Гляжу, наши хлопцы куда-то свернули в сторону, я — за ними. Вижу — пепелище, и стоит возле него хлопчик лет трех, от силы четырех, стоит и горбыльком пепел ворошит. А наши, как подбежали, так и стоят, точно вкопанные, смотрят на него бессловесно.

— Ты чего? — говорю, а у самого голоса нет. Черный он, грязный, видать, несколько дней без питания, одни глаза на мосолках, на скулках этих, торчат.

А он мне:

— Это наша хата, — и на пепел указывает. — Картошку шукаю.

— А где, — говорю, — батька?

— Не знаю, — говорит.

— А мамка?

— Не знаю. Я в степу ховался.

Стоит, смотрит на нас, как тот цветок сорванный. Ну

тут всех нас как кинжалом по сердцу, схватились за сумки — хлеб, сухари, сахар вытаскивают, перед хлопчиком этим кладут, а сами плачут, будь ты проклят! И я то же самое. Ну не удержишь, какое тут!

Дал и я ему кусок сахара.

— На, — говорю, — соси да меня жди. Я знаю, где твоя мамка, доведу. Только, слышь, сиди, никуда не бегай, ничего не пужайся.

Он как кинется до меня и сахар обронил, да своими худыми ручонками как обнимет мои ноги, и слеза у него покатила из глаз, да знаете, хлопцы, такая, будто глаза вместе с ней выплеснуло. Ох, спужался я тут за себя, аж зубами скрипнул!

— Сиди, — говорю, — как сказал. — Я, значит, делаю нашим знак удалиться.

— Дядька, меня Вовкой звать! — крикнул он.

Ну, день был у нас беспокойный: атака, другая, и все на маневре, и надо же такое дело, — к вечеру мой взвод пускают в другом направлении... А о нем я все время думаю. У меня, знаете, ребятишек прибрал господь — не повезло, ну и потом война, туда-сюда... Вот, думаю, нашел я себе сынка. Он, знаете, складненький такой, правда, тонковат, да ведь мать, жинка моя, что на дрожжах выкормит. Вот, думаю, нашел себе сынка, в бою сыскал, не где-нибудь, серьезный казачишка вырастет. Вовка ты мой дорогой!.. А к вечеру взвод мой пускают в другом направлении... Вот, думаю, беда бедовая. Ну, ночью вырвусь. Вовка и ночью ждать будет. А ночь приходит, и к заре мы в верстах тридцати от той станицы. Сошел я, дорогие мои, с коня, присел у канавы и хоть кубанку под глаза подставляй — слезой исхожу. Как вспомню — ворошит он прутиком пепел, так сердце в горошину. А дело не ждет. Выступать. Глянул я нечаянно на сапоги — и в холодный пот: на голенищах след от его ручонки, что листок кленовый. Будто печать он на меня поставил: не забудь, мол, Вовку, а забудешь — проклятье тебе выйдет...

Глаза рассказчика из голубых стали тусклыми, оловянными, будто он внезапно ослеп.

Слушатели вздохнули.

— Твоей вины тут нет, — сказал один.

— Ты, слушай, не бери это на себя. Ты не виноват.

Отведя лицо в сторону, чтобы вернуть глазам их человеческий блеск, рассказчик тихо сказал:

— Я найду его...

П. Павленко

— Жив тятка! Тятка жив! — радостно закричал Вася.

Вернувшись домой на лошади председателя, он бросился к столу и быстро дописал:

«Милый тятя! Я сегодня на тракторе норму выполнил. Меня похвалил председатель и сказал, чтобы ты за нас не беспокоился!»

Закончив письмо, он снял со стенки свою фотокарточку. Он стоял посредине, высокий, гололобый, в красноармейском шлеме, и юношеские руки его лежали на плечах сестренки и брата покровительственно, как у настоящего главы семьи..

«Тяте от кормильца-сына Васи», написал он на обороте карточки и вложил ее в конверт.

Ив. Меньшиков

ВЕЛИКАЯ СИЛА—ГВАРДИЯ ТЫЛА

(Раешник)

Прошу прощения — сейчас начинается мое обращение ко всем находящимся в помещении.

Что знаю, все расскажу, как анкета. Ведь рот у меня, чай, не на замке-то, на губах у меня не висит затвор.

Итак, о чем, бишь, пойдет разговор?

Поймете вполне — ни о чем другом, как опять-таки о войне. Война у каждого на уме, война в газете, война в письме, война в сердцах. Где, скажем, фронт, а где, скажем, тыл, где военная доблесть, а где рабочий пыл, где победа в бою достается, а где она и в цехе куется.

Для того чтоб боец врага мог атаковать, рабочий должен вот так ковать.

Стоит станок, у станка сынок. сынок снаряд точит, — разве он этим победу не прочит?

Стоят домны, горячи и огромны, а в них чугун плавится. Спрашивается: немец тем чугуном подавится? Думаю, что иначе не будет, нашего угощения не обессудит, сначала подавится, а околет потом, на этом мы стоим, к тому идем.

У нас фронт — вы имейте только понятие: что ни учреждение, что ни предприятие, — труд идет, как в военном строю.

Даже место, на котором я стою, — это тоже участок борьбы со злодеем...

Боремся все, как умеем.

Все из одного теста.

Если не так — не сойти мне с этого места.

Тому порукой наша правая месть, наша воля, наша военная честь и наш могучий тыл, который гвардию свою вырастил.

Куда ни глянь: направо, налево, есть у нас гвардия весеннего сева, есть гвардия руды и сплава, за нею тоже немалая слава, гвардия станций и полустанков, гвардия строителей самолетов и танков, у каждого своя гвардейская честь. Разве можно все перечесать!

А женщины! По-нашему, по-простому — бабы. Какие дела, какие масштабы! Иная дородна, иная тонка, вчера — у плиты, сейчас — у станка, вчера маникюрилась и зазывалась, а сегодня, не зная, что значит усталость, сплавы льет, стругает стружки. Вот они каковы — наши подружки.

Рекорд вселенский.

Труд женский.

А завод, сами понимаете, энский.

На иную Любу посмотреть любо, на иную Полю не налюбуйешься вволю, иную Лушу ценишь за милую душу, иную Лиду тоже не упустить из виду, а в иную Марфутку я и сам влюбиться готов не на шутку.

А иная Матрена Саввишна, знакомая давешняя, на седьмом десятке, в полном порядке, сразу берется за два станка: на одном — за мужа, на другом — за сынка, а если нужно, то и за внука.

Вот это штука!

А когда фронт вот так с тылом перекликаются, вот тогда фашисту икается.

А уж зато, когда мы врага пошлем действительно ко всем чертям на рога, тогда, вспоминая все, что было, встретятся гвардейцы фронта с гвардейцами тыла, все, кто работой вдвойне и втройне сумел послужить родной стране, капли пота с лица сотрут и скажут друг другу:

— Спасибо за труд!

— Спасибо за дом, за семью, спасибо за выручку в бою!

А Сталин скажет:

— Спасибо и тем и этим!

А мы ему, родному, тем же ответим.

Арго

ВОЙНА НАЗНАЧИЛА

На участке отжига у щита управления, внимательно всматриваясь в приборы, стоял вихрастый паренек в черной рубашке. Вошедший в это время в цех высокий гражданин в роговых очках оглянулся и, не найдя никого поблизости, кроме паренька у приборов, направился прямо к нему.

— Скажи, пожалуйста, — обратился он несколько фамильярно, как обычно взрослые разговаривают с подростками, — где мне здесь найти Ивана Ивановича Здорова?

Паренек застегнул верхнюю пуговицу рубашки и с достоинством ответил:

— Я Иван Иванович.

Гражданин, бегло оглянув своего собеседника, улыбнулся:

— Нет, мне нужен мастер участка.

— Так я ж и есть мастер участка, — нетерпеливо произнес паренек и щелкнул одним из многочисленных выключателей на щите управления.

Посетитель несколько смутился, но потом удивленно стал рассматривать юного мастера.

— Извините, пожалуйста, это, конечно, к делу совсем не относится, но ведь вам, по-моему, не больше шестнадцати?

— Шестнадцать с половиной. Но это действительно к делу не относится. Вы спрашивали мастера Здорова, что вы хотели?

— Я инженер с завода, который поставляет вам вот этот полуфабрикат. Пришел я по поводу претензий, которые ваш завод предъявляет к качеству наших изделий. Хочу на месте выслушать замечания специалистов, чтобы решить, каким путем мы можем улучшить физические и химические свойства изделия.

Инженер взглянул, какое впечатление произвели на подростка эти полуученые слова, и добавил:

— Меня вот и направили к вам, Иван Иванович...

Паренек, ничуть не смутившись, сказал:

— Очень хорошо, что вы пришли. Претензии у нас к вам серьезные. Взять хотя бы габариты. Вы их совершенно не выдерживаете. Вот пойдете, пожалуйста, со мной...

Оставив вместо себя у щита работницу, Иван Здоров пошел с инженером на участок, обстоятельно выкладывая все свои претензии и замечания. Инженер внимательно

слушал, иногда спорил с мастером, но чаще торопливо записывал его слова в блокнот.

...Здоров провел инженера по всему участку, подробно и обстоятельно высказал ему свои претензии и замечания. Прощаясь, инженер горячо пожал руку шестнадцатилетнему мастеру участка и, улыбаясь, сказал:

— Теперь, Иван Иванович, когда наш деловой разговор кончен, расскажите, как вы стали руководителем этого сложного участка.

Иван Здоров тоже широко улыбнулся, и в глазах его мелькнул задорный, мальчишеский огонек.

— Как? Война назначила...

А. Сергеев

ПЕЧАЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ

К ночи, не помню почему, беседа в нашем купе приняла какой-то неожиданный характер. Все мы вспоминали о своих профессиональных неудачах и промахах. Инженер, литератор, летчик — каждый рассказывал о печальных случаях в своей жизни. Капитан, возвращавшийся после ранения в свою часть, сказал:

— Я разведчик. И вот однажды вышел у меня конфуз. Как раз к нам прибыли новые гранаты, и я уже успел испытать их в действии — дивная оказалась новинка, — как вдруг вызывают меня в штаб. Поехал. Сажу на открытом воздухе возле землянки, жду полковника. Тихо. Обыкновенный летний день. Подошел начальник штаба майор товарищ Караулов, подвел ко мне девушку и говорит: «Познакомьтесь, товарищ Орлов (Орлов-то я). Товарищ Ступина. Прибыла к нам с Урала. А я сейчас приду с полковником».

Эта самая товарищ Ступина была такое существо в гимнастерке и юбочке, очень молоденькое, носик вздернутый, глазки блестят, предлагает называть себя Марусей. «Меня так все зовут», и язычком треплет невообразимо. Товарищ майор обозначил меня перед ней разведчиком, и вот она пошла трещать, что всю жизнь мечтала быть разведчицей. И болтает, болтает о подружках, о том, о сем, о наших горах выражается презрительно. «Это, — говорит, — называется возвышенность, а вот у нас горы! Я с Урала». И так далее. Как она ехала, и где бомбили, и тому подобное. Видно, возбуждение: первый раз на фронте. И все

рекомендует себя для боевых операций. Я усмехаюсь и очень любезно шучу, что тут не посиделки, а война, и если в данный момент тихо, то вообще бывает, что пушки мешают оживленной беседе.

Она очень плохо приняла мои слова, вроде как оборвалась и замолчала. После некоторой паузы я вежливо поощрил ее: «Развяжи язык, Маруся. Скучно». Но она молчит, насупилась и не смотрит на меня. Тут я немножко извинился: «Не стесняйся, разговаривай дальше». Проявил снисходительность к девушке: молоденькое же существо, пусть чирикает. Тогда она разомкнула губы, сказала: «Первый раз вижу такого нелюбезного капитана. Я с вами по-человечески, а вы грубите». Я объясняю: «Я не хотел грубости. Просто удивился вашей разговорчивости. Не привык».

Чтобы немножко отвлечь ее внимание, я продолжаю: «Для боевых операций надо отлично владеть оружием. Вот, например, граната...» Она перебивает: «Хороши эти гранаты?» Отвечаю: «Конечно». Она: «Покажите». Я: «Будет приказ командования — проинструктирую вас. Только приказ вряд ли последует».

Тут она прищурилась и требует, чтобы я немедленно объяснил ей гранату и эффективность ее действия.

Я вижу, что опять она возвращается к прежнему своему поведению, очень вежливо отстраняю ее, но она настаивает и вдруг протянула руку, чтобы схватить оружие. Это уже безобразие! Я действительно грубо прикрикнул: «Прими руку! Под арест пойдешь!» Руку она приняла тотчас же. А я к ней уже спокойней обращаюсь: «Первый раз такую девушку вижу. Может быть, я сейчас вам жизнь спас. Ведь вам такую гранату дать, как ребенку неумелому — смерть. Эти гранаты придумали профессора, академики. По эффективности действия сужу так, что очень ученый человек придумал. Мучился, сочинял, обедал не во-время...» Но она совсем разошлась, осмелела, и уже ничто ее не берет, даже не обижается. Перебивает меня: «Что вы меня академиками пугаете? Все это вы глупости говорите».

На этот раз я серьезно рассердился, но сдерживаюсь. После этого началось длительное молчание. Вдруг она подает голос: «Какой академик гранату делал?» Отрывисто спрашивает и вроде как смеется. Я ей: «Без приказа командования по гранате ничего не скажу». Она: «Это правильно, только вы все равно удивительно невежливый».

И опять молчание, пока не пришел майор товарищ Караулов и не направил девушку к полковнику. Я, оставшись с майором, доложил о легкомысленной особе все, как есть. Заключение так: «Вот какое легкомыслие иногда прибывает к нам. Не знаю, зачем прибыла, только, по моему мнению, к боевой работе не годится. Если назначать, так только в обоз — больше некуда».

Майор послушал меня и расхохотался. А я ничего не понимаю. Я говорю: «Она болтуня. За пять минут все мне рассказала: и как ехала, и какие это Уральские горы, и про подруг. Еле ее остановил. А главное, к оружию относится легкомысленно».

А майор слушает и все почему-то хохочет.

В это время появляется полковник, а с ним эта самая товарищ Ступина Маруся. Полковник вдруг говорит мне: «Товарищ Ступина проинструктирует вас по новым гранатам. Товарищ Ступина специально посетила нас для инструктажа как изобретатель и конструктор этого оружия».

Вы подумайте только! Я просто языка лишился. Откликаюсь хрипло. Вот вам и болтуня! Самое главное-то я не сказала, утаила. Я гляжу на нее, как... Ну, сами понимаете, как кто. А когда полковник ушел, меня вдруг как прорвало. Начал объяснять, разъяснять и так далее. А она, эта самая товарищ Ступина, оборвала меня: «Для разведчика слишком много болтаете. Слушайте инструктаж».

Вы подумайте только! Я же еще и болтун! И ведь это специально я был вызван, чтобы получить инструктаж от товарища Ступиной, — и такое натворил! А еще начальник разведки! Вот как я разведал, какие у нас бывают девушки. До сих пор с душевным сокрушением вспоминаю о том, в каких дураках оказался... Это прямо самый печальный случай в моей жизни.

Мих. Слонимский

САТИРА и ЮМОР

ГОЛЫЕ ФАКТЫ

Недавно получил я письмо с энского фронта. Почерка сгоряча не узнал, но когда прочел первые строчки, то сразу догадался, от кого это письмо.

Начало его было написано явно в шутку, тем слогом, каким писали русские солдаты письма домой с германского фронта в 1915—1916 годах. Вот это начало:

«Письмо пущено такого-то числа, такого-то месяца. Ты лети, лети, листок, с запада на восток, лети, взвивайся, никому в руки не давайся, а дайся в руки тому, кто мил сердцу моему.

Здравствуйте, премногоуважаемейший земляк, друг и корешок! Шлю я вам свой с любовью низкий поклон от белого лица до сырой земли. Честь-почтеньице, почет и уваженьице! Пишет вам ваш годок и однокашник, по фамилии...»

Но я уже знал, кто мне пишет: конечно же, Скородумов, Наум Федорович, знатный разведчик!

Царапал он, должно быть, сидя не за столом, а за пеньком, потому я и не угадал его почерка.

Письмо мне показалось интересным, и я решил опубликовать его полностью, за исключением лишь чересчур соленых слов, щедро отпущенных Наумом по адресу Гитлера и его вояк.

Вот что писал Наум Федорович дальше:

«Сообщаю вам, что я жив и здоров и что мы здесь губим немецкую погань так, что Гитлер, говорят, со злости

весь чирьями пошел и будто бы за плохие сводки отгрыз Гиббельсу не то нос, не то хвост, я уж там не знаю.

В разведку хожу попрежнему с Васей Воскобойниковым. Работать он стал хорошо, только немного горяч, сдерживать приходится.

Вчера мы с Васей в тылу у немцев натолкнулись на одно редкое зрелище: немецкие офицеры, пять голов, вздумали купаться в большом озере. Осмелели. Но для присутствия духа все же в кустах возле белья поставили часового. А сами уплыли довольно далеко.

Мы подползли поближе. Я показал Воскобойникову на часового:

— Вася, обеспечь этому арийцу могилку...

Он пополз к немцу с отожнутым ложевым штыком, вскоре возвратился и доложил:

— Ублаготворил...

— Правильно, — сказал я ему. — Место штыку — в немецком боку.

А у Васьки глаза разгорелись.

— Дозвольте, — говорит, — теперь с этими вот водоплавающими птицами поговорить из автомата.

— Нет, — говорю, — Вася, это не так делается. Меня лично шум не интересует, да и промахнуться можно. Ты вот лучше быстренько надень немецкую форму с этой бывшей немецкой неприкосновенной личности...

— Зачем мне лезть в эту поганую шкуру? — не понял Вася и даже обиделся.

— Будешь изображать покойного часового, царство ему немецкое!

Вася быстро преобразился и стал на место убитого немца. А я по офицерским мундирам пошарил, из парабеллумов обоймы повытащил и вообще все их оружие обезоружил... Ваське приказал стоять к озеру спиной и не шевелиться, пока не позову.

Ну, лег я за кустом, жду. И вот начали эти немецкие голые факты выползать из озера, как жабы. Дал я им одеться, причесаться, все чин-чином. А потом небрежной походкой выхожу из-за куста с автоматом и говорю по-немецки:

— Хальт, — говорю, — сукины дети!

Они хватаются за карманы, за кобуры, курками щелкают и вслух изумляются:

— Вас ист дас?!

— Не беспокойтесь, — говорю, — все правильно. С легким паром...

А Васька все время стоит, как было условлено: спиной к событиям, тем более, что и бывший часовой тоже стоял к озеру задом.

Тогда один синегубый обер-лейтенант вспоминает про часового и кричит ему, чтобы тот стрелял.

— Фойер!

— Нет уж, — говорю, — какой там фойер, то есть огонь, когда мы вам уже задали феферу, то есть перцу...

Они опять:

— Вас ист дас?!

— Что, непонятно? Вася, поди сюда, доложи им обстановку...

Короче говоря, мы бы их всех пятерых довели до своего штаба, тем более, что они сами все до одного оказались штабистами. Но в пути нас нахально обстрелял немецкий пикет, офицерики зарыпались, и троих пришлось лишиться».

Дальше в своем письме Наум Федорович Скородумов описывал еще и другие, довольно интересные события и всякие стечения обстоятельств. О них я при случае расскажу вам своими словами.

А. Резаккин

НЕМЕЦКИЕ БОЛЕЗНИ

Чтоб немец глядел веселее
В грядущую черную тьму,
Фашистского доктора Лея
На-днях пригласили к нему.

Взглянув на больного сурово,
Он сел и спросил: «Что болит?»
Потом, осмотревши больного,
Нашел таганрогский колит.

Ощупал и грудь и колени,
Дрожащие с прошлой зимы,
И вскоре нашел воспаленье
Какой-то сердечной Сумы.

Больной заметался в припадке.
А доктор воскликнул: «У вас
Остатки былой лихорадки,
Вредны вам Кавказ и Донбасс!

Вам западный климат полезней.
Признаться, не нравятся мне
Симптомы немецкой болезни
На верхней и нижней Десне.

Мне дорого ваше здоровье.
У вас нахожу я кисту,
И белгородское белокровье,
И глуховскую глухоту.

Наклонность у вас к пессимизму,
От этого желчь разлилась.
Поставьте горячую клизму,
Втирайте нацистскую мазь.

Пред смертью примите-ка бром.
Старайтесь глядеть веселей!»
Сказал на прощанье больному
Профессор гестаповский Лей.

С. Маршак

РАЗГОВОР АДОЛЬФА ГИТЛЕРА С КАЙЗЕРОМ ВИЛЬГЕЛЬМОМ

— Возьму я город Петербург! —
Воскликнул Гитлер лихо.

— Так говорил и Гинденбург! —
Ответил кайзер тихо.

— Меня никто не победит! —
Воскликнул Гитлер резко.

— О нет, мой друг, ты будешь бит! —
Ответил кайзер веско.

— Я в наступленье перейду.
Конец придет Советам!

— Ах, в восемнадцатом году
Мечтал и я об этом.

— Я завоюю весь Союз,
И Англию, и Штаты!

— Крути, крути свой жалкий ус! —
Сказал мертвец усатый.

— Я дам врагам последний бой! —
Воскликнул Гитлер властно.

— Кого побили под Москвой? —
Спросил мертвец бесстрашно.

— Зайду я в тыл! Ударю в лоб! —
Воскликнул Гитлер грозно.

— Ложись со мной, приятель, в гроб! —
Сказал мертвец серьезно.

С. Маршак

ПОЛОВИНА

Недавно мне показали любопытный листок. Сверху написано: «Соревнование снайперов роты». А ниже, против фамилии снайперов, цифры: счет битым фрицам. У кого 10, у кого 12, у кого 31. У Козличкова ровно 100. У Фигуркина целых 135. А против фамилии Ситника стояла цифра $135\frac{1}{2}$.

Я, как до этой цифры дошел, и читать перестал. Мне представился немец, аккуратно разделившийся надвое: ноги и живот с пряжкой «Бог с нами» драпают в тыл, к своим, а руки и простреленная арийская голова повисли на бруствере окопа и составляют убитую половину.

— Это что же такое? — спрашиваю.

— Это, — говорят, — работа снайпера Ситника.

— Понимаю, что Ситника. А вторая-то половина фрица куда девалась?

— Да нет, — говорят, — не то чтобы девалась куда-

нибудь. Фриц, как с елки свалился, так и лежал целый: руки, и ноги, и голова на месте, и автомат рядом. Половину Ситник сработал. А вот на вторую половину хозяина у нас не находится. А дело было так. Когда немец с елки упал, Ситник говорит: «Это моя работа». А вечером осмотрел убитого немца, вернулся, руками разводит. «Я ему, — говорит, — в бровь целил. Моя дырка в брови. А ему еще кто-то в самый глаз попал. Недаром мне послышалось, что в одно время другой выстрел раздался. Пишите, — говорит, — мне половину. Мне чужого не надо. Лучше пусть половина, да своя». Так и записали.

На другой день я познакомился с Ситником. Разговорились, Ситник смутился.

— Не знаю, как мне счет округлить, — сказал он краснея. — Сегодня еще одного снял — 136, но опять с половиной. Еще сниму — и опять с половиной! Никак целое число не получается...

И. Андронников

ДВА СТАЛИНГРАДА

Орава генералов
Сбиралась на парад.
Орава генералов
Спешила в Сталинград.
И оберст,
И постарше,
И полный генерал,
И даже сам фельдмаршал
Победу предвкушал.

И дни и ночи кряду
Упорно напролом
Вели они осаду
Железом и огнем.
И оберст,
И постарше,
И полный генерал,
И даже сам фельдмаршал
Под городом стоял.

И наконец свершилось.
Смелей же в город! Ну!..

Все войско очутилось
В могилах и в плену.
И оберст,
И постарше,
И полный генерал,
И даже сам фельдмаршал
На удочку попал.
Побитый, невеселый,
Враг пятится назад.
И вот опять под Шполой
Вкусил он Сталинград.
И оберст,
И постарше,
И полный генерал,
От армии сбежавши,
Штаны там потерял.
Но самое смешное,
Однако, впереди:
Удравших с поля боя
Ефрейтор... наградил.
И оберст,
И постарше,
И полный генерал
Под гром парадных маршей
Эрзац-героем стал.
Напрасно чумовые
Смываются в кусты.
Получат не стальные —
Дубовые кресты!
И оберст,
И постарше,
И полный генерал,
И даже сам ефрейтор,
Чтоб чорт его побрал!

Яков Быланин

КОМАР

(Сказка)

Был у немцев непобедимый генерал фон-Пфуль — отчаянной храбрости мужчина и очень спесивый.

Сам толстый, словно боров, голова лысая, как блюдце, зубы — сплошь золотые.

— Я, — говорит, — десять стран покорил, сто городов пожег, тысячу деревень с землей сравнял. Сильней меня нету генерала на свете.

Он на отдыхе находился, этот фон-Пфуль. Сидел во Франции, жрал сардинки, шампанским запивал.

Вот однажды вызывает его к себе Гитлер, говорит:

— Дела мои на Востоке — швах, ниже среднего. Попрошу вас поехать в Россию, пособить мне воевать, поскольку вы десять стран покорили, сто городов пожгли, тысячу деревень с землей сравняли и сильней вас нету генерала на свете.

— Пожалуйста, — отвечает фон-Пфуль, — могу поехать. Правда, я свои мемуары только до пятой покоренной страны довел и до девяносто третьего сожженного города, но это ничего. Покорю русских и тогда все сразу уже и додиктую.

Приехал он к нам в Россию и попал аккурат на наш Северо-западный фронт. А тут — леса, да болота, да комарья тучи. Зайдешь в чашу — все кругом так и звенит. Только успевай руками махать.

Созвал фон-Пфуль генералитет, объявил:

— Я десять стран покорил, сто городов пожег, тысячу деревень с землей сравнял, и сильней меня нету генерала на свете. Вот как перед богом клянусь, что я в три дня русских одолею. А теперь оставьте меня одного, я посижу над картой, подумаю и преподнесу вам свой научный план: как, чем и во что русских надо бить, чтобы их окончательно одолеть.

Генералитет удивился и ушел. А один пожилой фитьмаршал, седой весь, как старая крыса, даже сказал:

— Довольно странные речи. Мы здесь два года сидим и ничего сделать не можем, а вы — в три дня?.. Посмотрим!..

Развернул фон-Пфуль свою карту, стал думать. Вот уже придумал, а тут комар спикировал ему на лоб да как ожгет! Фон-Пфуль хлоп себя по лбу — весь план и забыл...

Стал сначала думать. Только он вспомнил свой план, а комар фон-Пфуля в ухо ужалил. Генерал хватя себя за ухо, а другой комар его в ноздрю. Генерал хватя за ноздрю, а комар опять — в ухо...

Все начисто опять забыл непобедимый генерал фон-Пфуль. Сидит, головой мотает, как конь. злится. А комар

свое звенит: «Ты з... з... з... злой, а я еще з... з... злей... Ты з... з... з... злой, а я еще з... з... злей...»

Позвал фон-Пфуль адъютанта, спрашивает:

— Что это такое на меня пикирует?

— Это такая русская насекомая, ваше превосходительство. Называется — комар.

— Какой такой комар?

— Вроде вошки, ваше превосходительство. Только оно летает. И с голоском-с...

— Станьте рядом и отгоняйте эту дрянь от меня.

Сел генерал фон-Пфуль опять за стол. Адъютант рядом стоит, машет над генеральской головой сосновой веткой. Ничего не помогает...

Фон-Пфуль кричит:

— Позвать сюда двух автоматчиков! Пускай они меня охраняют и беспощадно уничтожают эту ужасную русскую насекомую...

Пришли автоматчики. Уперли автоматы в пуза, простреляли для порядка вокруг генеральской палатки, попугали комаров. Да разве их этим испугаешь?..

Фон-Пфуль говорит:

— Станьте по обе стороны от меня и наблюдайте. Сядет на меня комар, бейте, не стесняйтесь.

— Из автоматов, ваше превосходительство?..

— Руками, болваны!.. Я никаких движений сам делать не хочу, поскольку это меня отвлекает от моих важных мыслей.

Встали автоматчики, как приказано, по обе стороны от генерала.

Вот сядет комар фон-Пфулю на голову, генерал сквозь зубы золотые командует:

— Огонь!

Автоматчики с двух сторон генерала по лысине бац — недолет... Бац — перелет...

Одного убьют, а тут десять новых прилетят.

Автоматчики опять фон-Пфуля по лысине: бац, бац...

У непобедимого генерала фон-Пфуля уже лысина посинела. Но он — ничего, терпит, только кряхтит. Думает...

Терпел, терпел да вдруг как завопит:

— Вы, черти, нарочно промахиваетесь, по пустому месту бьете... Вон отсюда! Расстрелять!..

Автоматчиков как ветром сдуло.

А тут входит к нему в палатку седой фитьмаршал. спрашивает:

— Ну как, готов, извиняюсь, ваш план?..

— Не готов. Русская насекомая — комар — мешает думать, не дает сосредоточиться. Пойду в лесок, погуляю, там все и придумаю, на вольном воздухе.

Только зашел фон-Пфуль в лесок, комары его и зажгли со всех концов. Так зажгли, что мочи нет.

Он — бежать. Комары — за ним. Летят и звенят:

«Ты... з... з... з... злой, а я еще з... з... злей».

От быстрого бега приключилась с генералом фон-Пфулем «медвежья болезнь». Он — в кусты. Только присел — его наши партизаны-разведчики и схватили.

Схватили и в непристойном виде уволокли в лес.

Командир партизанский, старичок, борода клинышком, спрашивает:

— Вы кто такой будете? И почему, я извиняюсь, без штанов?

— Я непобедимый генерал фон-Пфуль. А вы кто такой?..

— А я непобедимый партизан дед Комар.

— Дед Комар...

Генерал фон-Пфуль как стоял, так и грохнулся. Подняли его, а он и лыка не вяжет, только икает: паралич разбил...

Увезли непобедимого генерала фон-Пфуля в госпиталь.

Так и не придумал он плана, как русских в три дня одолеть.

Даже подражаться нам с ним не пришлось.

Комар ему спесь сбил.

Леонид Ленч

НЕМЕЦКАЯ ПОЧТА

Письмо из Мги
Герр Тиц послал
В свою столицу.
Он дом назвал,
Назвал квартал,
Назвал и фрица.

Но зря посыльный,
Встав чуть свет,
Искал устало:
И фрица нет,

И дома нет,
И нет квартала...

Поскольку выбыл
Адресат
И нету фрица,
То к отправителю
Назад
Письмо стремится.

Ау, герр Тиц!
Но где же вы?
Мейн готт!
О, боже!
И Тиц, увы,
Без головы.
Он «выбыл» тоже...

Яков Быланин

МЕЧТА ЕФРЕЙТОРА ДОПЦЕЛЯ

Ефрейтор Фриц Доппель почуял, что ему не унести ног с советской земли. Бандит струсил и решил спасти свою шкуру. Он прострелил себе руку, его отправили в госпиталь и вылечили. Главный врач разрешил ему съездить на три дня к родным. Ефрейтор ехал и мечтал о том, что дома получит хороший кусок мяса, которого не видел даже в госпитале...

Не успел Фриц открыть дверь, как попал в объятия тещи фрау Гильды. Закрыв глаза, он расцеловался с ней, потом с кислой улыбкой чмокнул в рыжие усы тестя, господина Карла-Иоганна Фолькмана, и наконец прижал к груди свою Гертруду. Ефрейтор вынул из рюкзака награбленную скудную добычу. Он надел на руки шерстяные носки, на голову — капор на вате, натянул на себя женскую жакетку и сказал:

— Вот в таком виде мы, «полк Адольфа Гитлера», воевали с русскими.

— Ты хочешь сказать: бежали от русских? — поправил его господин Фолькман.

— О, мой бог! Счастье, если удастся бежать! Это рачье мы садились в засаду и били убегающих от нас жите-

лей по команде. Теперь жители садятся в засаду и бьют нас без команды.

Гертруда вынула из шкафа подарок — мужской синий костюм — и подала Фрицу. Он переделался. Фрау Гильда поставила на стол тарелку с ломтиками голландского сыра и кружки с пильзенским пивом.

— Дайте мне кусок мяса! — попросил ефрейтор.

— У нас был приготовлен для тебя роскошный эрзац-шнитцель-клопс. Но вчера папа стал им забивать гвоздь, и шнитцель рассыпался в порошок.

Фриц взял кусок сыра, хотел откусить.

— Что за чорт? Тверже камня!

— Он и есть из камня, мой любимый! Мы его и едим с прошлого года! Практично и гигиенично. Арийские ученые говорят, что важно не есть, а выделять желудочный сок!

Фриц только промычал в ответ. Взял кружку пива, понюхал и отодвинул подальше. Это было эрзац-пиво, употребляемое для дезинфекции арийского рта. Ефрейтор попросил табаку. Господин Карл-Иоганн Фолькман приоткрыл дверь, посмотрел вокруг. Отвинтив ножку кресла, он достал коробку папирос. Фриц получил папиросу и коробок эрзац-спичек. Он чиркнул спичкой осторожно, чтоб искра не попала на его новый костюм. И все-таки головка спички отскочила и упала на брюки. Ефрейтор хотел смахнуть ее рукой, но брюки уже вспыхнули, горели. Фриц бегал по комнате, кричал. Господин Фолькман выплеснул на зягя кружку эрзац-пива. Ефрейтор запыхал, как смоляной факел. Фрау Гильда поспешно раскрыла окно, под которым стояла огромная бочка с водой для тушения зажигательных бомб. Фриц прыгнул из окна в бочку...

— Слава богу, мой любимый! — говорила Гертруда мужу. — Этот костюм сшит из эрзац-сукна. В нем три четверти чистой древесины. Ты мог бы весь сгореть, и от тебя осталась бы одна запонка!

Фриц охал и стонал. Его увезла карета скорой медицинской помощи. У подъезда больницы то и дело оставались кареты со стариками и старухами. Ефрейтора, лицо которого было закрыто простыней, положили на носилки. В общей суতোлке его пихнули в ту же подъемную машину, что и стариков. Когда ночью он пришел в себя, то увидел, что лежит на койке в большой палате. Вокруг него покоились старики и старухи, Изголодавшийся ефрейтор сказал:

— Может быть, здесь наконец приготовят мне кусок мяса!

— Да, здесь приготовят не один кусок! — с горечью ответил старик-сосед. — Главный врач приказал, чтобы всех лежащих в этой палате умертвили, впрыснув в вену воздух.

У ефрейтора волосы стали дыбом. Он соскочил с койки, налег плечом на дверь, — она не поддавалась.

— Есть отсюда еще выход? — закричал он.

— Отсюда один выход — на тот свет! — ответил ему тот же старик.

Фриц, прошедший на фронте школу налетчиков, бросил графин в люстру. Мгновенно в палате стало темно. Старики и старухи завывали в один голос. Дверь отперли, вошла старшая сиделка. В темноте ефрейтор выскользнул из комнаты и по фронтовой привычке бросился со всех ног удирать.

— Старики и старухи прыгают в окно! — кричал он.

Больничные служащие стремглав понеслись в палату. Фриц схватил с вешалки пальто, какое подороже, и выскочил на улицу.

Он подбежал к своему дому в тот момент, когда Гертруда выходила из подъезда под руку с толстым гестаповцем.

— Моя дорогая! — воскликнул Фриц.

— Прости, мой любимый! — ответила Гертруда. — Сегодня пятница. Я ухожу на брачный пункт. Разреши тебя познакомить. Это мой эрзац-муж!..

Фриц ударил гестаповца ногой в живот. Эрзац-муж упал и дернул ефрейтора за ногу. Оба бандита катались по тротуару, били друг друга, царапали. Гестаповец вырвал у Фрица из головы клок волос. Ефрейтор изловчился и откусил у гестаповца правое ухо. Эрзац-мужа увезли в клинику. Шущманы барабанили Фрица своими дубинками, требуя, чтобы он выплюнул ухо гестаповца. Но ефрейтор «полка Адольфа Гитлера» крепко стиснул зубы. Это был единственный кусок мяса, который ему достался в родном городе.

Матвей Ройзман

В ЦЕНТРЕ ГОРОДА БЕРЛИНА

Новогодняя картина:
В центре города Берлина
У холодного каминна
Ждет подарков фрау Минна,
Что пришлет с Востока муж.

Ей нужна белья корзина,
Дочке туфли, плащ для сына,
Маме боты из резины,
И еда нужна к тому ж.

Муж — хозяйственный мужчина,
У него полна машина:
Мыло, битая скотина
(У него к телятам страсть!),

Ситец, ходики, холстина,
Два кусочка креп-де-шина,
Три кастрюли и перина —
Все, что он успел украсть.

Чтобы грабить магазины,
Выполняя просьбу Минны,
Применяя метод клина,
Надо кинуться в прорыв.

(Дочке туфли, плащ для сына,
Маме боты из резины
Вызывают у блондина
Наступательный порыв.)

И повел блондин машину,
И пришел конец блондину —
Напоролся он на мину
(На дороге много мин).

Ну и мину скорчит Минна!
(Где хозяйственный мужчина,
Где теперь белья корзина,
Дочке туфли, плащ для сына,

Маме боты из резины?)
Мужу боком вышел клин —
Окачурился блондин!

Новогодняя картина:
В центре города Берлина
У холодного камина
Ждет подарков фрау Минна.

Не видать ей креп-де-шина,
Ни корзины,
Ни перины —
Не вернется муж в Берлин.

М. Слободской

СОДЕРЖАНИЕ

П О Э З И Я

<i>Ц. Солодарь</i> . Клятва	3
<i>Маргарита Алигер</i> . Россия	4
<i>А. Прокофьев</i> . Здравница	5
<i>К. Симонов</i> . Родина	6
<i>Сергей Васильев</i> . Улица Ленина	7
<i>Ольга Берггольц</i> . Армия	9
<i>Алексей Сурков</i> . Девушка-офицер	10
<i>Александр Яшин</i> . Богатырь	11
<i>Павел Шубин</i> . Мария	12
<i>Сергей Михалков</i> . Русский солдат	15
<i>Александр Яшин</i> . Кровь	17
<i>Володимир Сосюра</i> . Салют	18
<i>А. Барто</i> . Родной Урал, ты грозным стал!	19
<i>Федор Чернышев</i> . Песня девушки	20
<i>Ованес Шираз</i> . Пленница	21
<i>Вера Инбер</i> . Заботливая женская рука	22
<i>Джамбул</i> . Работницам наших полей	23
<i>Евг. Долматовский</i> . Сталинград	25
<i>Сергей Михалков</i> . Карта	26
<i>С. Островой</i> . Ненависть	28
<i>А. Барто</i> . Я—с войны	28
<i>Константин Симонов</i> . Далекому другу	29
<i>Павел Антокольский</i> . Сын (Отрывок из поэмы)	31
<i>Павел Кудряцев</i> . Сенокосное	33
<i>Степан Щипачев</i> . Опять весна над русскими полями	35
<i>Валентина Попова</i> . Гаданье	35
<i>А. Ихсан</i> . Моей любимой	36
<i>А. Прокофьев</i> . Золотая песня о России (Отрывок из поэмы «Россия»)	37

П Р О З А

<i>Ванда Василевская</i> . Бойцу-победителю	40
<i>Н. Тихонов</i> . Новый человек	41
<i>Леонид Соболев</i> . И миномет бил	43
<i>Вадим Кожевников</i> . Данила	45
<i>Лев Кассиль</i> . Сын тети Паши	46
<i>М. Марич</i> . Актриса	48
<i>Э. Якуб</i> . Расплаты!	52
<i>П. Павленко</i> . Потерянный сын	53
<i>М. Шкапская</i> . Девушка из Казахстана	55
<i>Ив. Меньшиков</i> . Глава семьи	57
<i>Арго</i> . Великая сила — гвардия тыла (Раешник)	59
<i>А. Сергеев</i> . Война назначила	61
<i>Мих. Слонимский</i> . Печальный случай	62

С А Т И Р А И Ю М О Р

<i>А. Резапкин</i> . Голые факты	65
<i>С. Маршак</i> . Немецкие болезни	67
<i>С. Маршак</i> . Разговор Адольфа Гитлера с кайзером Вильгельмом	68
<i>И. Андронников</i> . Половина	69
<i>Яков Быланин</i> . Два Сталинграда	70
<i>Леонид Ленч</i> . Комар (Сказка)	71
<i>Яков Быланин</i> . Немецкая почта	74
<i>Матвей Ройзман</i> . Мечта ефрейтора Доппеля	75
<i>М. Слободской</i> . В центре города Бердина	78